

«ЕСЛИ ВЕСТФАЛЬ И БОЛЕЦ, ТО ЭТОТ БОЛЬНОЙ СКОРЕЕ ЖИВ, ЧЕМ МЕРТВ...»

О суверенитете беседуют профессор Дмитрий Фельдман и автор недавно изданной книги об отдаленных исторических предпосылках международного порядка¹ профессор Олег Барabanов.

Д.Ф. Мы являемся свидетелями серьезных сдвигов в глобальном социуме, изменений в системе международных отношений и стратегии поведения большинства государств. Человечество столкнулось с новыми условиями международного развития. Важно уяснить характер этих изменений.

Попытки деидеологизировать теорию международных отношений были бы столь же тщетны, сколь и желание деидеологизировать сами международные отношения. Но подмена теоретического осознания реальности битвой идеологических «измов» при помощи одних вербальных конструкций мало что дает для выработки инструментального знания.

Необходимо продолжить строить теории не только «сверху», через придание идеологемам аксиоматического значения, но и «снизу», от реальной действительности. Пока же теоретические положения, удовлетворяющие хотя бы самым общим требованиям к истинности научного знания, в большом дефиците. Не игнорируя значения других обстоятельств, полагаю, что отчасти из-за этого дефицита получили распространение представления о кризисе (эрозии, коррозии, крушении) Вестфальской системы. Инвариантом стал тезис о

постепенной и скорой утрате государством значения системообразующего элемента международных отношений. Признаки «крушения Вестфаля» усматривают в «ослаблении суверенитета», «росте проницаемости границ» современного государства и появлении «нетрадиционных» акторов...

О.Б. Вестфальская модель – система историческая, у которой есть начало и завершение. В 1990-е годы, когда рухнул железный занавес, прекратилось биполярное противостояние, было очевидно, что Ялтинско-Потсдамская система тоже уходит в прошлое. У многих ученых под влиянием представлений о «переходном возрасте современного мира»² возник соблазн провозгласить завершение и Вестфальской модели мира, представить изменение баланса сил в 90-е годы не только как конец биполярного противостояния, но и как распад модели мира, основанной на суверенитете, суверенном равенстве и праве межгосударственных договоров.

В 1990-е годы было много событий, которые укладывались в эту схему. И на Западе, и в России появилось много текстов об эрозии Вестфальской модели. Прогнозировались «поствестфальские» формы организации миропорядка. Большая часть из них была так или иначе основана на принципах глобального сплочения. В 1990-е годы подобные взгляды в том или ином виде были востребованы. Идеи «глобального демократического консенсуса» как основы военных и политических действий за рам-

ками права межгосударственных договоров подтверждали это.

В 2000-х годах ситуация изменилась. В Америке администрация Буша-младшего начала опираться в своей внешней политике на другие концепции. На Западе появились тексты под названием «конец глобализации и возвращение к принципам полнореализма». Изменилась ситуация и в России, где усиление политического недопонимания с Западом привело к формированию идеи «суверенной демократии» как официальной внешнеполитической доктрины. Сформировался политический заказ на развитие традиционных («негибких») концепций суверенитета. Идея о том, что Вестфальская модель мира находится в кризисе, подвергается эрозии, оказалась на внутрироссийском политическом поле не совсем политкорректной, что в последние несколько лет вызвало к жизни дискуссии о том, что Вестфальская система – в норме, а суверенитет по-прежнему основа международной политики. Даже появился термин «антивестфаль».

Проблема в другом. Насколько восприятие Вестфальской модели мира коррелирует с практикой мировой политики (сейчас и в истории)? В этой связи имеет смысл детальной проанализировать основные принципы Вестфальской модели мира. С моей точки зрения, их пять:

- мир состоит из суверенных государств (соответственно, в мире нет единой высшей власти, и отсутствует принцип универсалистской иерархии управления);

- система базируется на принципе суверенного равенства государств и, следовательно, их невмешательства во внутренние дела друг друга;

- суверенное государство обладает неограниченной полнотой власти над своими гражданами в пределах своей территории;

- мир регулируется международным правом, понимаемым как право договоров суверенных государств между собой;

- суверенные государства выступают субъектами международного права, только они – международно-признанные субъекты.

В оценке Вестфалья для историка есть вопрос-соблазн: «Насколько уникальна нынешняя глобализация?» Если она уникальна, если она порождает качественно новые вызовы перед государствами в экономической и политической сферах, это означает, что она действительно изменяет систему мира. Появляются новые субъекты, иным становится суверенитет государств, иным, наконец, становится и восприятие мира. Это одна точка зрения, которой придерживаюсь и я.

Согласно другой точке зрения, глобализация была всегда, чуть ли не от Древнего мира и сейчас мы имеем дело лишь с очередным повторением ее цикла. В этом контексте можно представить 1990-е годы как сегмент, вектор усиления глобализма на этом круговом цикле. С этой точки зрения, сейчас мы возвращаемся к усилению государственничества. Но, я думаю, история требует более тонких оценок, не всегда диакронные сравнения работают.

Д.Ф. Оснований говорить об эрозии Вестфальской системы в начале XIX века было больше, чем в начале XXI века. Вспомним: свергались суверены, суверенные государства возникали по мановению руки Наполеона, который едва ли не большинство своих близких родственников наделил правами государей. Политическая карта Европы испытывала ничуть не меньшие изменения, чем происходящие сегодня. Но, независимо от того, считаем мы эти явления типологически схожими или разными, между ними есть общее: ломаются утвердившиеся правила взаимодействия акторов. Многие нормы и институты, которые недавно могли эффективно регулировать их взаимодействие в системе международных отношений, претерпевают глубокую модификацию, а то и отмирают. Им на смену приходят новые.

Если я прав хотя бы «в принципе», то нам удалось свести сложную проблему к типовой задаче – отделить Вестфальскую систему от Версальско-Вашингтонской или Ялтинско-Потсдамской. Сегодня путают «кризисы» одной из систем в рамках системы Вестфалья с кризисом самого

Вестфалья. Меняется суверенитет или исчезает вовсе?

Попробуем отойти от философских построений. Попытка найти реально существующие черты этой системы полезна. Она переносит вопрос о состоянии Вестфальской системы из сферы суждений типа «им нравится — вам не нравится — мне кажется» в сферу конкретного. Необходимо изучать не только суждения, но и конкретно-историческое состояние Вестфальской системы.

О.Б. Важно то, что Вы сказали: при Наполеоне в мире было не меньше изменений, чем в 1990-е годы. Может быть, имеет смысл встать на точку зрения историков, для которых Вестфальская система закончилась войной за Испанское наследство 1701–1714 годов? У нас нет единой системы координат, которая была бы общей для всех 360-ти лет современного мира. Условно говоря, был Вестфаль-один, Вестфаль-два, Вестфаль-три, и сейчас мы имеем дело с Вестфалем-Х, за которым придет Вестфаль-У? Это один подход.

Другой — выделить общие закономерности, которые действовали на всех этапах. Здесь мы упираемся в суверенитет, поскольку ключевая проблема — суверенное равенство. Наполеон ломал одни суверенные государства, создавал другие, но при этом принцип суверенитета менялся или нет? Лига Наций размывала суверенитет в большей степени, чем ООН, или нет? И в 1990-е годы: все, что написано в книгах о глобализации — это необратимо размывало суверенитет или нет?

Д.Ф. Казни Марии Стюарт, Карла I и Людовика XVI покончили с идеей божественного происхождения и сохранения власти суверена, но не покончили с идеей суверенитета как таковой. Позднее не только «безродный корсиканец», но и Лига Наций могли наделять или не наделять суверенитетом исходя из их оценки реальных политических процессов. При всех различиях противоборствующих мировоззрений в период после Первой мировой войны оценки идеологов и политиков часто совпадали. Право наций на самоопределение провозглашали такие разные политики, как

В. Вильсон и В. Ленин. Рискну предположить, что мы 360 лет живем с одним и тем же суверенитетом, но имеющим разный объем и разные, если можно так сказать, форму и величину.

О.Б. Да. Если понимать суверенитет с внутренней точки зрения (то, что Краснер называет *domestic sovereignty*), то да, ничего не изменилось, за исключением дискуссий о «гибком» суверенитете. Но проблема — в принципе суверенного равенства, поскольку его, наверное, не было до создания Лиги Наций или даже ООН. В ооновской системе международных отношений суверенное равенство стало одним из важнейших критериев существующей модели мира.

Дискуссии об эрозии Вестфальской модели мира, с точки зрения реальной межгосударственной политики, во многом связаны с размыванием принципа суверенного равенства, которое произошло сначала в Косове, а затем в Ираке. Но по-разному. Косовская операция НАТО в 1999 г. получила ключевое значение для политической эрозии Вестфальской модели. Именно тогда были осознанно и аргументированно нарушены три элемента Вестфалья: принцип суверенного равенства государств, верховенство международного права и право государства на неограниченные властные полномочия на своей территории.

Идеологическим результатом косовского кризиса и обрамлявших его дискуссий в западных политологических и правовых журналах стало постулирование принципиально нового явления, никак не совместимого с принципами Вестфальской модели: приоритета морали перед правом и высшей справедливости перед писаной правовой нормой. Моральное неприятие со стороны доминирующего общественного мнения в мире фактов нарушения прав человека и этнических меньшинств привело к тому, что суверенитет после Косова стал пониматься не как право государства делать со своими гражданами все, что оно вздумает, но как «суверенитет ответственности», обязанность государства обеспечивать соблюдение прав человека на своей территории.

Международное право, запрещавшее силовое вмешательство, не санкционированное Советом Безопасности ООН, объявлялось по этой логике устаревшим, не отвечающим потребностям современной мировой политики и ее моральным императивам. После Косова звучали предложения заменить международное право, понимаемое «по-вестфальски» как право суверенных государств, на принципиально иное, глобальное коммунитарное, право («конституционное право народов»), базирующееся на идеях глобальной конституции и возрождения принципов древнеримского *jus gentium*.

Центром принятия решений в новой модели мира становилась не ООН, но сообщество демократических стран. Теперь не резолюции СБ ООН, а решения, принимаемые путем глобального демократического консенсуса, признавались бы основанием для политических и военных действий.

Однако приход к власти в 2001 г. Дж. Буша-младшего и операция США в Ираке в 2003 г. показали, что глобальный демократический консенсус как форма принятия решений в мировой политике, едва появившись, уже отринут. Ему на смену приходит идея глобального доминирования ведущей державы мира — глобального неоимпериализма — как альтернативной модели глобального управления. Такой ракурс не имеет ничего общего с Вестфальскими принципами.

Наш ответ на это — идея «суверенной демократии». Она возникла, с моей точки зрения, как попытка защитить суверенное равенство, как попытка его отстоять для России в условиях чьей бы то ни было гегемонии. Проблема эрозии Вестфальской модели приобретает другое измерение. Это уже не возвышенно-книжное, футурологическое восприятие конца 1990-х годов, а измерение в контексте «Realpolitik». Суверенное равенство — даже как юридическая фикция — уходит в прошлое. С этой точки зрения, Вестфальская модель (или хотя бы ее ооновская проекция) действительно меняется, но совсем по другой линии.

Д.Ф. Но поровну у всех суверенитета никогда не было, нет и не будет. Суверенитет

Советского Союза 1920-х, 50-х или 80-х годов был неодинаков. Суверенитет Франции никогда не был равен суверенитету Либерии. Суверенитет США, Германии или Ливана по своему наполнению меняется. Из признания этого факта, между прочим, исходит и Ваше понимание эрозии суверенитета как индикатора кризиса Вестфальской системы.

Как бы ни «слабел суверенитет», он все-таки остается желаемой политической целью для многих народов. Еще один простой и в своей достоверности скучный факт, подтверждающий живучесть суверенитета: число суверенных государств в мире неуклонно возрастает.

О.Б. Тогда есть ли какие-то основания для генерализации модели мира? Если, с Вашей точки зрения, суверенитет такой разный, а суверенного равенства никогда не было де-факто, то что лежит в основе? Может, вообще нет Вестфальской модели?

Д.Ф. Полагаю, что есть градация суверенности, позволяющая исследователю построить некую шкалу суверенитета³. С этой точки зрения, суверенитет, утвердившийся в практике международного общения, на протяжении истории не тождествен самому себе и только иногда может быть равен суверенитету другого государства. Более того: «своего» суверенитета, как правило, меньше, чем хочется.

Можно сколь угодно группировать государства по степени их суверенности, но мне, как человеку, занятому осмыслением реальных политических процессов, ясно, что, например, суверенитет современной Польши, которая на межгосударственный уровень подняла интересы перекупщиков мяса, велик как никогда. Ни Речь Посполитая, ни Польская Народная Республика не обладали возможностью в такой степени влиять на отношения Европы и России, в какой сегодня это делает Польша. Пускай оформленное в нарочито вызывающей манере, но ее вето реально...

О.Б. Но не подменяем ли мы суверенитет политической силой? Не ставим ли мы знак равенства между ними?

Д.Ф. Постулаты реализма нуждаются в корректировке. Ее необходимость продик-

тована тем, что во взаимодействии на мировой арене большое влияние, политический вес и «силу» имеют негосударственные акторы. У меня эта констатация не вызывает вопросов, хотя, когда речь заходит о государственном суверенитете, у меня их много.

Один из них непосредственно связан с Вашими исследованиями. Вы пишете: «Мир базируется на принципе суверенного равенства государств и, следовательно, их невмешательства во внутренние дела друг друга»⁴. Анализируя деятельность военных союзов в Древней Греции, Вы пишете и о «значительном ограничении суверенитета отдельных государств, введении прямого управленческого контроля над их внутренними делами со стороны государства гегемона»⁵. Как совмещаются эти теоретические положения?

О.Б. Продуктивно использовать периодизацию на вестфальский и довестфальский мир. Понимание суверенитета как отсутствия иерархии в межгосударственных отношениях как раз и составляет историческую специфику Вестфальской модели мира. В предшествующие эпохи вполне допускалась идея о возможности квази-универсалистского доминирования одного государства над другими либо универсалистской империи, поглощавшей другие государства и принимавшей сложносоставной характер. Потому и само внешнеполитическое измерение суверенитета выступает глубоко вестфальским наследием.

Д.Ф. Я исхожу из того, что государства всегда вмешивались во внутренние дела друг друга. Это убеждение основывается не только на практике межгосударственных отношений в «довестфальском» мире, но и в различные периоды существования Вестфальской системы. Подчеркну, что я имею в виду не единичные случаи вроде убийства герцога Энгиенского, подавления боксерского восстания или событий 1848 г. и 1956 г. в Венгрии. Речь идет о постоянной, идеологически освященной и теоретически обоснованной политике вмешательства во внутренние дела тех государств, чьи дела затрагивают интересы гегемона — Британии, Германии, Испании, СССР, США, Франции.

О.Б. Если в сегодняшних концепциях гибкого суверенитета государство призывается к тому, чтобы защищать права человека, то, соответственно, в предыдущий период, по контрасту, государство могло делать все, что вздумается. Краснер именно это называл «вестфальским суверенитетом». Понятно, что гражданские войны, смена власти все это нарушали.

Д.Ф. Главное — признать правильность теоретического положения о сущностном единстве внутренней и внешней политики. Оно существует всегда и повсюду, проявляясь и во вмешательстве во внутренние дела государств. От внешнего влияния можно защищаться, но пренебрегать им, а тем более — отменить его, нельзя. Как бы трудно ни «переваривалась» правовым сознанием практика вмешательства во внутренние дела, надо понимать: сильным государствам, проводящим активную внешнюю политику, расширяющим содержание и сферы реализации своих национальных государственных интересов, все модификации идеи «десуверенизации», «ослабления», «ограничения» суверенитета политически выгодны.

О.Б. ...В нынешней международной системе наше влияние на других, на ограничение чужого суверенитета не сопоставимо с влиянием США. Но если убрать все учебники и сказать, что, может быть, и не было никогда этой Вестфальской модели мира...?

Д.Ф. Нет. Вестфальская модель мира существует и будет, с моей точки зрения, существовать до тех пор, пока существует национальное государство.

О.Б. Просто, если следовать этой логике, тогда все то, что происходило в конце 1990-х и потом в 2000-е годы, можно рассматривать как письменную регламентацию всех принципов политики, которые были и раньше: право на внешнее вмешательство, описание суверенитета ответственности, гибкого суверенитета, правил и принципов, по которым мировое сообщество может давить на суверенные государства, добываясь своего. Речь идет об установлении какого-то единого свода новых международных правил...

Д.Ф. ...и институтов!

О.Б. ...может быть, и институтов, которые вытеснят существующую правовую систему, поскольку речь идет об обязательных для всех правилах поведения. Это первое. С этой точки зрения, в чем особенность кризиса Вестфалия или в чем особенность нынешней ситуации? В том, что, возможно, правила игры, которые были всегда, сейчас получают новую квази-правовую регламентацию и переводятся из практики «Realpolitik» в юридические (точнее, морально-юридические) категории в стиле «права народов».

Д.Ф. Возвращаясь к предмету разговора – оценке состояния Вестфальской системы, хочу подчеркнуть: кризис (даже в случае, если мы его обнаружим) – это далеко не конец функционирования системы, а переломный этап в ее развитии. Медики, экономисты, финансисты, дипломаты, ученые-аграрии, правоведа и многие другие понимают кризис как перелом, переходный момент в течении наблюдаемых ими процессов, но никак не их завершение или окончание. Такой эффективный политехнолог, как В.И. Ленин, рассуждая о предпосылках революции, исходил из того, что одной из них является кризис верхов – невозможность для господствующего класса сохранять свое господство в неизменном виде.

Кризис – это не синоним агонии, не приближение конца. Кризис – состояние, из которого система выходит перерожденной, что вовсе не означает, что она гибнет. При неизбежной ограниченности индивидуального бытия конкретным временем, пространством и способностью мышления, мне, как и многим другим, куда труднее представить человечество без суверенных государств, чем живущее, скажем, в четырехстах государствах.

При этом я не покушаюсь на идею глобального управления. Человечество придет к этому, к реализации идеи глобального регулирования ресурсов, к упорядочению расходов нефти, урана, пресной воды и много чего другого. Но это будет глобальное управление при сохранении суве-

ренных государств. Это будет не форма ликвидации суверенитета, а еще одна, новая форма осуществления государствами суверенитета. Изменение содержания или функций суверенитета, передача каких-то компонентов, инструментов при осуществлении суверенитета не означает его уменьшения. ФРГ и Франция, перейдя с франка на евро, потеряли не суверенитет, а право печатать свои деньги. А Нестор Махно, как и некоторые губернаторы в Российской Федерации, хотя и печатал деньги, суверенитета не приобрел.

Попробуйте привести примеры того, как кто-то добровольно отказывается от суверенитета в условиях глобализации. Полагаю, их будет немного. Предупреждаю: примеры Монако и ГДР меня не убедят.

О.Н. А СССР при позднем Горбачеве? Эту же линию можно проследить у стран, входящих в Европейский Союз. Плюс аргумент в Вашу пользу: в рамках НАТО и в рамках Организации Варшавского договора слабые союзники фактически делегировали сильному часть своего суверенитета. С этой точки зрения, мы можем, огрубляя, называть Вестфалем «Realpolitik», а кризис Вестфалия рассматривать как проект слова «Realpolitik»?

Д.Ф. Вы довольно точно уловили то, что я хотел сказать. Но не «слом», а модификация! Что же касается поведения М.С. Горбачева или иных конкретных персонажей, действовавших и действующих на мировой арене, то, помимо личностных качеств, оно определяется положением индивидов в системе властных отношений. В зависимости от него, их риторика, сближаясь по фразеологии, кардинально различается по своему политическому смыслу. Настаивая на создании Лиги Наций, В. Вильсон использовал идею общности интересов США и всех народов мира, общих для основателей Лиги Христианских ценностей, для утверждения Америки на занятых ею после Первой мировой войны рубежах и для укрепления своего положения в самих Соединенных Штатах. Через 70 лет М.С. Горбачев, пропагандируя «новое политическое мышление для своей страны и всего мира», наста-

ивая на приоритете общечеловеческих интересов и ценностей, искал международной поддержки для укрепления позиций СССР. Но действовал он не как победитель, а как глава проигрывающей страны, как идеолог общественного строя, потерпевшего поражение в ходе «мирного соревнования и сосуществования» двух социально-экономических систем. Кто-то использует либерализм для того, чтобы замаскировать сдачу позиций, а кто-то — для того, чтобы закрепить и освятить свой выход на новые рубежи. В этом смысле «Realpolitik» — если и честнее, то не намного.

По-моему, было бы правильным говорить о крахе Вестфальской системы в том случае, если бы мы получили принципиально иные, новые, отличающиеся от известных сегодня формы и инструменты организации международной жизни. Пока мы этого не имеем.

О.Б. Есть опасность того, что мы отождествляем критерии Вестфальской модели мира с текстом Устава ООН. Суверенное равенство — это из Устава ООН, суверенитет в его стандартном понимании — это тоже из Устава ООН. Международное право — это тоже из Устава ООН. Только государства — субъекты мировой политики, это пусть имплицитно, но также присутствует в Уставе ООН. Я чувствую фальшь, Устав ООН предстает выразителем системы, которая вроде бы возникла на 300 лет раньше.

Д.Ф. Будучи реальными политиками, создатели ООН провозгласили одно, а поступили по-другому, закрепив за собой роль регуляторов международной системы, став, если не ее управляющими, то ее контролерами и наладчиками. Основатели ООН «забыли» о равноправии государств-членов, включая равенство чужих и своих суверенных прав.

О.Б. Мы становимся на точку зрения, что международное право — фикция? И при моделировании мировых политических систем не грех отказаться от права (Устава ООН), поскольку этот аргумент сбивает с толку?

Д.Ф. Право не только регулятор международной жизни, но еще и аргумент в спо-

ре. Более того, в политике оно само становится предметом спора. Когда идет обсуждение судьбы Абхазии или Косова, мы берем из международного права те аргументы, которые нужны нам, а они — им.

О.Б. Тем более что оно очень часто двусмысленно.

Д.Ф. Это лучшее, что можно сказать о его императивном значении. Но, пожалуй, не оценивайте это как очередное проявление правового нигилизма. Несколькими примитивизируя свое понимание соотношения движения систем международных отношений и международного права, все же буду отстаивать убеждение в том, что право отражает (пусть только в тенденции, с опозданием и приблизительно) реальную ситуацию в международных отношениях. Право не является плодом ума кабинетных ученых, которые выдумывают принципы, а потом благодарное человечество принимает и записывает их суждения в качестве норм существования. Примеры начинаются от древнеавилонского царя Хаммурапи и идут через римские законы Двенадцати таблиц к Заключительному акту СБСЕ и далее.

О.Б. С государством мы более или менее очертили свои позиции. Но одна из главных идей в рефлексии об эрозии Вестфалья заключается в том, что мир состоит не только из государств. И там есть два аспекта проблемы, абсолютно разные и друг с другом не связанные.

Один — это новые негосударственные субъекты мировой политики. Проблема состоит не в том, есть они или нет, а в том, насколько они политически равнозначны государству. Антиглобалисты, например, на пике своей активности заставили и ведущие государства и межправительственные организации серьезно изменить политику, сделать ее более социально ориентированной. Программа развития ООН (ПРООН) предложила в тех же 1990-х годах. создать вторую палату Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН. Она, в отличие от существующей ГА ООН — «палаты государств», являлась бы «палатой неправительственных организаций». Всемирные

социальные форумы антиглобалистов так же можно рассматривать в контексте их квази-правового равноправия с государствами по процедурным вопросам.

Методическая проблема для исследователя состоит в трудности нахождения единых критериев сравнения государств и негосударственных акторов с точки зрения их влияния на мировую политику. Новые акторы ускользают из фокуса исследователей межгосударственной политики. В цитированном «Политическом атласе современности» авторы проводят сравнительное рейтинговое только государств, после чего делают вывод, что мир по-прежнему государствоцентричен. При этом они не проводят сопоставления новых акторов с государствами. У меня среди критериев сопоставления государств, выработанных авторами «Политического атласа», наибольший интерес вызывает «проекция максимизации международного влияния». По итогам исследования они делают вывод, что лишь крайне незначительное число государств (7% от общего числа) обладает достаточным качеством и количеством этого влияния. А если мы оценим подобную «проекцию международного влияния» у крупнейших негосударственных акторов (как экономических, так и гражданских), то увидим, что она не меньше, чем у многих государств. Если составить такой единый рейтинг международного влияния, куда входили бы и государства, и новые негосударственные акторы мировой политики (понимаю, как это сложно методически), то тогда крупнейшие новые акторы оказались бы выше многих государств. Это один аспект проблемы.

Второй блок – формирование мира как единой политической системы, политики. Этот момент отражен в дискуссиях о «политологии мира», или «политологии макро-уровня», когда мир формируется как единое политическое целое либо по этатистским принципам, либо по каким-то иным, но так или иначе рассматривается не только как конгломерат из 192 суверенных государств. Начинает действовать принцип «1+192». Когда не отменяется суверенитет,

не отменяется борьба суверенных государств, но при этом появилось что-то новое над ними всеми: эффект глобального сплочения, глобального регулирования, пусть даже пока по каким-то отдельным проблемам, по экологии, например. Именно это составляет специфику последнего пятнадцатилетия.

Д.Ф. Не является большим секретом, что, скажем, мощь и политическое влияние каждой из обеих Вест-Индских компаний были больше, чем у многих государственных образований первой половины XVII века.

О.Б. Их, наверное, можно отождествлять с государством, которое за ними стояло. Но если методически строго исследовать проблему новых акторов, то имеет смысл говорить о тех из них, которые нелинейно связаны с государствами. Задача состоит в том, чтобы рассмотреть их влияние на мировую политику. Сходное по значимости с влиянием антиглобалистов.

Д.Ф. Мы сталкиваемся с одной из проблем, порожденных стремлением тех, кто подменяет научную теорию идеологией науки – освободиться от «удушения» историей. Если речь идет о негосударственных акторах международных отношений и мировой политики, то они в большинстве своем не новы. Если же относить к «новым» акторам массовые общественные движения, участвующие в отношениях на мировой арене помимо государств, то можно ли считать «новым» мировое коммунистическое движение, которое возникло еще в XIX веке и деятельность которого далеко не однозначно была связана с СССР? Тот же вопрос можно задать и о не государственно-организованном движении Реформации. Католический орден иезуитов никогда не являлся мононациональным по своему составу и никогда не был вне мировой политики. Этот «новый» актор активно вмешивается в нее с XVI века. Интересно, что этот орден, оставаясь и транснациональным и негосударственным, создал свое государство в Парагвае, которое просуществовало с 1610 по 1768 годы.

Модель поведения, которую мы с Вами воспринимаем как Вестфальскую систе-

му, — это модель взаимодействия суверенных государств. Многое меняется и меняется довольно резко. Многое лежит на поверхности, включая многократно воспетую и проклятую глобализацию, или, если воспользоваться удачным термином переводчика книги Тейяр де Шардена Н.А. Садовского⁶, «планетаризацию». Сегодня мы уже не можем не ощущать себя жителями планеты Земля.

Одним из уроков «холодной войны» явилось осознание того, что даже наличие «железного занавеса», с одной стороны, уменьшает проницаемость границ между государствами противоборствующих мировых систем, но, с другой — увеличивает ее (конечно, не для всех) внутри системы. Идеологически «обосновав» свои действия «социалистическим интернационализмом», «защитой демократии» или другими постулатами, государства-гегемоны легко игнорировали государственные границы и суверенитет Венгрии, Гватемалы, Кубы, Чехословакии, Ямайки и т.д. Это происходило независимо от приверженности тех или иных государств какому-либо идеологическому «изму». «Под сенью ядерного равновесия, достигнутого сверхдержавами, границы потеряли свою актуальность. Более того, многим европейским странам — и не только двум Германиям — было отказано в собственной внешней политике», — констатирует Ю. Хабермас⁷.

О.Б. Вестфальская модель, если не в пяти, то, по крайней мере, в двух-трех ее постулатах, — это идеал, эталон отношений между государствами.

Д.Ф. Да, но эталон не в смысле «реально существующий образец», а эталон как идеальный объект, абстракция, полученная в результате обобщения исторической практики межгосударственных отношений. Он так же не существует в реальности, как «идеальный газ», «несжимаемая жидкость», «абсолютно черное тело» не существуют в природе.

О.Б. Но тогда в чем суть этого идеала и эталона?

Д.Ф. Сравнение с ним позволяет судить о том, насколько суверенитет или другие

атрибуты Вестфальской системы присущи конкретным, реальным системам межгосударственных отношений. В конечном счете это помогает понять, в какой степени эта система сдерживает или стимулирует развитие человека и общества.

О.Б. Я задумывался над тем, как концептуализировать объект исследования дисциплины «мировая политика». Допустим, что мировая политика изучает мир вне рамок Вестфальской модели. А тогда что такое Вестфаль? Поэтому родились эти пять вышеприведенных элементов Вестфальской модели мира, и я уже сознательно подбирал исторический материал, который иллюстрировал выход за рамки этих пяти элементов в эпоху Античности.

Такую же исследовательскую работу можно проделать и применительно к сегодняшним реалиям с тем, чтобы и в них подчеркнуть те моменты, которые отличают их от вестфальского «идеала». Вопрос в том, как методически правильной организовать такое исследование. Проблема здесь содержит три аспекта. Во-первых, я, как человек, приученный к позитивизму, не могу не вспомнить слова Огюста Конта о том, что любая наука может быть изучаема двумя методами: историческим и догматическим. И если рассматривать мировую политику 1990-х и 2000-х годов. в ее историческом развитии применительно к предыдущему периоду, нельзя не отметить, что эрозия предшествующих принципов организации мирового порядка приобрела качественно выраженный, а во многом и необратимый характер.

Если же подходить к проблеме с использованием «догматического» (в контовском смысле) метода и рассматривать современную мировую политику как статичную картинку, регулируемую лишь запросами акторов, то в этом случае мы должны будем признать, что превосходство идей суверенитета над иными формами организации миропорядка в этом статичном срезе будет велико. Таким образом, исторически Вестфальская модель мира эродировала, и своего рода «динамизм поствестфализации» может быть положительно измерен, хотя ста-

тический срез современной мировой политики это отрицает.

Во-вторых, есть вопрос о целеполагании современного исторического процесса. Это вопрос о том, развивается ли сегодня мировая политика стихийно-непредсказуемо, или в ней есть некая внутренняя логика, которая рисует нам контуры будущего. Если да, то возможно ли более или менее верифицированно продумать сценарии будущего мировой политики на основе как проецирования в завтра текущих тенденций и действий акторов, так и формирования доминирующих тем в глобальном общественном мнении — о «духе времени» как факторе исторического процесса, хотя бы в его старом, традиционном его понимании, сформулированном еще в немецкой теории истории XIX в. — у Йеринга и Вундта (по принципу самосбывающегося пророчества). Если в рамках такой телеологии мы поставим вопрос: что больше определяет для нас тренды будущего — консервация суверенитета или его глобалистская эрозия, то в этом случае логика «поствестфальского» глобализма может быть рассмотрена, как минимум, равновеликой текущей реалполитике.

В-третьих, все большее место в глобальном общественном мнении занимает критерий эффективности в деятельности суверенных государств — точнее говоря, их неэффективности по сравнению с футурологическими картинками глобального регулирования. В этой связи происходит и эрозия ооновской проекции Вестфальской модели мира, эрозия Устава ООН как базового источника международного права.

Д.Ф. Завершая наш диалог, рискну предположить: Вестфаль переживет ООН. Идет обновление Вестфальской системы. Принципы и нормы, сформировавшиеся в ее рамках, развиваются и даже, сохраняя прежние названия, приобретают нечто новое. Меняется и объем суверенитета, форма его наполнения и реализации. Можно

согласиться с констатацией болезни Вестфалья, но, по-моему, правильней говорить не об его «эрозии», а о болезни роста. Если Вестфаль и болен, то больной «скорее жив, чем мертв», и он вполне может рассчитывать на свое многовековое долголетие.

Сегодня Вестфальская система в очередной раз меняет облик, но продолжает оставаться сама собой. Время, когда суверенное государство уйдет из практики мировой политики и международных отношений, далеко не настало, и наши рассуждения, как можно надеяться, могут быть интересны не только на современном этапе, но и в отдаленном будущем. С этой точки зрения, плодотворна была бы попытка развить начатое и количественно описать и формализовать параметры, по которым мы судим: Вестфальская система есть — Вестфальской системы нет. Давайте пригласим наших коллег к участию в такой работе и к продолжению размышлений о судьбе Вестфальской системы.

Примечания

¹ Барабанов О.Н. История мировой политики. М., 2007.

² Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. «Переходный возраст» современного мира. // Международная жизнь. 1999. № 10.

³ Хотел бы в этой связи привлечь внимание к интересной попытке наших коллег, работающих над проектом «Политический атлас современности», выстроить систему комплексных индексов, позволяющих осуществлять количественные замеры и сопоставления различных стран и государств (См. Полис, 2006, №5. СС. 6–58).

⁴ Барабанов О.Н., Голицын В.А., Терещенко В.В. Глобальное управление. М., 2006. С.6.

⁵ Барабанов О.Н. История мировой политики. Эпоха Древнего мира. М., 2006. С. 78.

⁶ См.: Пьер Тейяр де Шарден. Феномен человека. М., 1965.

⁷ Нации и национализм. М., 2002. С. 375.